

**Дискуссия вокруг статьи «Что именно исследуется, когда исследуется этничность? ...»:
ответ Е.А.Варшавера дискуссантам**

На страницах журнала «Социологическое обозрение» (том 23, номер 3) была организована дискуссия вокруг статьи «Что именно исследуется, когда исследуется этничность...» Е.А.Варшавера, в которой приняли участие О.И.Вендина, А.Р.Бессуднов, М.С.Каменских, Е.М.Арутюнова и Д.В.Верховцев. Публикацию развернутого ответа автора журнал считает избыточной, в результате было решено разместить ответ на других ресурсах. Статью и дискуссию можно прочесть по этой ссылке: [Социологическое обозрение №3 2024 \(hse.ru\)](http://soctheor.ru/2024/03/01/01).

Прежде всего, хочу поблагодарить коллег, принявших участие в дискуссии, за их небольшие тексты «по мотивам» моей статьи. Мне кажется, жанр дискуссии недооценен, а сами дискуссии проводятся сильно реже, чем они того заслуживают. В конечном счете, наука – идет ли речь о тексте или эмпирическом исследовании – это взвешиваемый комментарий на работы коллег, и непосредственный обмен текстами в этой связи как будто бы наилучшим образом соответствует этой идее. Я попробую сначала обобщить написанное дискуссантами, выделить основные темы и дать свой комментарий по ним, затем – обратиться к некоторым отдельным тезисам из отзывов и прокомментировать их.

Итак, как следует из отзывов в целом, текст не вызвал идиосинкразии у дискуссантов и, напротив, показался им полезным и «развитийным». Это радостно. Откровенно говоря, перечитав текст перед тем, как готовить свой ответ на комментарии, в теоретической его части я нашел его более сложным, чем было задумано, и в этом смысле я соглашусь с лейтмотивным мнением, которое ярче всего проявилось в тексте О.И.Вендиной, согласно которому построения автора не так просты, как автор задумал (хотя Вендина, по всей видимости, в полной мере не верит в то, что простота была моей искренней интенцией). Сейчас – посмотрев на текст немного снаружи – я действительно соглашусь с тем, что совокупная теоретическая конструкция, которая в нем транслируется, непроста. Когнитивный и лингвистический повороты, ASN, сама по себе этничность – сшитые в единое полотно – создают комплексность и сложность. Однако – в той мере, в какой статья фокусируется именно на операционализации и на переходе от теоретически построенных к конкретным эмпирическим исследованиям, я все-таки надеюсь, что эту комплексность мне удалось существенно редуцировать, найдя нужный баланс между простотой схемы, с одной стороны, нетривиальностью сочетания теоретических идей за ней стоящих, с другой, и разнообразием эмпирических случаев и исследуемого мира в целом, с третьей.

Каждый из отзывов в той или иной степени содержит оценку оригинальности, полезности моей программы/модели. Однако, если работающий в Великобритании А.Р.Бессуднов, пишет, что я «... описал современные представления об этничности, которые разделяют большинство социологов и антропологов, работающих в этой области», М.С.Каменских напротив говорит о том, что я «признаю по умолчанию победу конструктивистской парадигмы, а не разделяющих этот тезис называю «неконструктивистами», которые продолжают существовать на «научной периферии» [и что], возможно, с такой оценкой не согласятся многие из исследователей, которым и адресован этот текст». Этот – спонтанно образовавшийся в дискуссии континуум мнений (как минимум

описываемых, потому что сам Каменских, как следует из отзыва, тезисы мои в целом разделяет) – кажется мне удачным поводом обозначить свой взгляд на эту проблему, однако, кажется, «сшивает» это мнение прежде всего еще один дискуссант – Д.В.Верховцев, который пишет о том, что моя статья – это «давно ожидаемый текст, способный не только сделать вклад в исследования этничности как таковые, но и включить в это поле пока ещё сильно автономизированный массив российских исследователей, следующих в кильватере давно окаменевших теорий». О чем пишет Верховцев? Попробую дать и свою интерпретацию такого разброса мнений.

Итак, как мне кажется, у нас на глазах происходит смена научной парадигмы. Это процесс частью постепенный, частью наоборот рваный и конфликтогенный, поскольку наука – это не только про идеи, но и про карьеры. При этом парадигма меняется не только в исследованиях этничности, но и в социальных науках в целом, отчего, пользуясь только лишь инструментами исследований этничности, осознать и отрефлексировать происходящие изменения вряд ли возможно. Именно поэтому большинство дискуссий о примордиализме-конструктивизме «изнутри» исследований этничности оказываются непродуктивны. Вместе с парадигмой меняется и язык описания окружающей действительности. Но, в той степени, в какой и парадигмы, и научные языки не являются однозначно «хорошими» или «плохими», «работающими» или «не работающими», а скорее являются более или менее удобными способами описания реальности под некоторые задачи, говорить об этничности вполне можно и иным, не-конструктивистским, способом. Однако это неудобно и непродуктивно. Например, можно продолжать использовать словосочетание «межэтнический конфликт», но как вписать в имплицитную картину мира, этим словосочетанием предполагаемую, то, что далеко не все люди, как-то идентифицирующие себя с той или иной категорией, в конфликт вовлечены, то, что среди этих людей есть, напротив, сторонники прекращения конфликта и проч. И исследователи, которые годами изучают «межэтнические конфликты», неизбежно понимают всю подобную сложность и даже как-то умеют говорить о ней, однако напоминает это, позволю себе метафору, попытки есть макароны каменным топором. Макароны будут (как минимум частично) съедены, но возможно лежащей рядом металлической вилкой есть их было бы удобнее. И конструктивистские способы описания реальности (включая тот, который я предлагаю) – это как раз и есть более простая, экономичная, продуктивная языковая альтернатива некогда доминировавшим в мировой науке и продолжающим доминировать в науке российской группистским языкам описания этой реальности. Однако – по совокупности причин – конструктивистским способом описания реальности в России пользуются немногие, а переход к нему часто воспринимается в штыки, как элемент западного влияния, и зачастую понимается как насаждение искусственных идентичностей, нарушающих границы естественных общностей. В этом представлении неверно все – и понимание конструктивизма, и понимание природы этничности как таковой. Более того, если как-то сформулировать тезис, образующий фундамент когнитивизированного конструктивизма, выяснится, что вряд ли с ними всерьез можно спорить. Этот тезис прост и короток. Этническая категория в генах не записана, а является коллективным представлением, передающимся в ходе коммуникации между людьми. Или, если чуть более развернуто, люди категоризируют друг друга, некоторые из используемых категоризаций закрепляются в представлениях, институционализируются и становятся ключом к интерпретации реальности – событий, людей, других явлений. Человек, который разделяет эти простые идеи и оказывается конструктивистом. А все остальное, включая мою статью – это надстройка над этими тезисами, теоретико-методологический комментарий к ним.

Другое дело, что с этими – очевидными для человека, социализированного в глобальную социальную науку – тезисами действительно могут не соглашаться, но это уже вопрос более общей социально-гуманитарной образованности и ее проникновения, в том числе в академические круги. Резюмируя – современные социальные науки накопили большое количество ценных представлений, которые были применены и к исследованиям этничности, в результате чего постепенно сложились и конструктивистские принципы исследования в этой объектной области. Однако, и здесь я возвращаюсь к тезису Бессуднова, нельзя говорить о том, что эти принципы – что в российской что в зарубежной науке – часто рефлексированы, а также что осуществляется планомерная работа по их «дистилляции», включению в «индустриальный цикл» научного производства и проч. И если в российских академических аудиториях конструктивизм часто не понимается и неверно интерпретируется, в западных – он существует скорее в виде подспудного, неформализованного знания, нежели четкой и понятной теоретической конструкции. И стоит серьезная задача (о которой пишут цитируемые мной авторы) по его экспликации, пересборке, формализации, а также операционализации применительно к различным полевым исследованиям. И именно такая попытка и производится в моей статье, что делает ее, как мне кажется, инновационной и для российских, и для международных исследований этничности.

Другая тема, которые объединяют как минимум двоих комментирующих – это возможность применения описанных наработок в количественных исследованиях, и, если Е.М.Арутюнова такой вопрос ставит и предлагает ответить на этот вопрос мне, А.Р.Бессуднов посвящает этой теме свой отзыв практически целиком. Готового ответа на этот вопрос у меня нет, поэтому поделюсь своими рассуждениями на этот счет. Прежде всего, действительно, такая проблема есть. Как замечают дискуссанта, сильной стороной описываемого подхода является внимание к «вернакулярным» категориям, то есть тем, которые используют сами исследуемые. Такое внимание объясняется тем, что именно на основании этих категорий они и действуют. В связи с этим, в той мере, в какой, как минимум частично, вернакулярные мирописания организованы вокруг категорий, в том числе этнических, эти категории – в том виде, в каком они производятся и воспроизводятся исследуемыми – и должны быть помещены в фокус исследований. И Бессуднов справедливо отмечает в этой связи две вещи. Во-первых, в исследованиях, которые не заточены под вопросы этничности и используют вторичные данные, такого не происходит, а используются предустановленные категории, чаще всего воспроизводящие категориальные ряды административной статистики. Во-вторых, даже исследования, которые, казалось бы, непосредственно посвящены вопросам этничности, категориальной детальностью, которая была заложена в исследовательский дизайн на стадии создания инструмента, на этапе анализа данных пренебрегают, и – как в случае упомянутой статьи Виммера и Зоэля – происходит редукция к «большим» категориям, которые самими участниками исследования не используются. Я бы брал еще шире и порассуждал бы о том, что сама по себе необходимость задавать язык, на котором происходит коммуникация между исследователем и исследуемым в количественном подходе (при том, что часто исследователи, в этом подходе работающие, обращаются к чужим данным, то есть, по сути, наблюдают за разговором, который вели не они), существенно ограничивает возможность эксплицировать и принять во внимание спонтанный категориальный ряд исследуемых. Есть, однако, два пути, которые, существуя в рамках количественного подхода, эту проблему хотя бы частично, но решают. Первый путь – это открытые вопросы. И речь идет не только и не столько об определении себя в этнических терминах (в конечном счете, как следует из статьи, категории идентификации – это лишь

небольшая часть категориального универсума, в котором существует человек, не говоря о социальных смыслах категорий), сколько об определении других. За время подготовки статьи к публикации – в качестве продолжения наших элицитационных разработок, в рамках большого количественного исследования, которое мы проводим – мы провели следующий эксперимент: мы поместили в онлайн-анкету несколько фотографий реальных людей, а также людей, которых сгенерировал искусственный интеллект под «этнический» запрос (например «создай реалистичную фотографию русской женщины») и – открытым вопросом – попросили респондентов определить национальность человека на фотографии. В специальное «окошко» респонденты вписывали свой ответ и, таким образом, и происходила экспликация элемента спонтанного категориального ряда, который используется респондентом для интерпретации реальности. Затем категории, вписанные респондентами, кодировались, переводились в переменные и включались в количественный анализ. Вопросами для такого анализа могут быть следующие: чем отличаются люди, которые определяют человека на фотографии как еврея, от всех остальных; насколько люди склонны чаще категоризировать стимулы на основании своей категории идентификации и др. В этом опросе использовались и другие визуальные техники призванные исследовать то, как исследуемые реально категоризируют мир. В их рамках респондентам надо было одной фразой ответить на вопрос, что происходит на фотографии некоторого повседневного контекста (стройки, кассы в КФС), а кодировалось то, насколько происходит этнизация фотографии, то есть насколько респондент описывает происходящее посредством этнических категорий, или он использует для описания другие категории, и чем отличаются респонденты, этнизирующие изображение, от тех, которые его не этнизируют. Второй путь – это обращение к большим данным и компьютерному анализу уже существующих текстов – например, пабликов в социальных сетях или материалов СМИ. Здесь в фокусе вновь оказываются спонтанные этнические категории, которые, однако, окружены так же спонтанно возникшим контекстом, и – в этой связке – они и могут быть изучены. В частности, был задуман, но пока не был реализован анализ динамики распространенности и смыслов этнических категорий в дагестанской периодике начиная с 1920-х годов. Идея за этим стоит следующая: советское администрирование сначала заявило, а затем «оживило» классификацию по национальностям, а постсоветский ее ренессанс последние два десятилетия сменился закатом. И коррелятом этой динамики является частота использования национальных категорий в СМИ. Подобный подход, кроме того, позволяет поработать и с другими, более сложными, гипотезами, которые касаются не самого факта использования категорий для описания реальности, а смыслов, с ними связанных, которые – за счет автоматизированного семантического анализа – могут быть считаны, закодированы и помещены в расчеты в качестве переменных. Это лишь два способа квантификации описанного в статье подхода, и я считаю, что, хотя действительно конструктивизм «начинается» с качественных данных, ими он далеко не заканчивается, однако действительно на данный момент в полной мере конструктивистские количественные дизайны – это редкость, а значит – есть пространство для продуктивной работы.

Еще одной «лейтмотивной» темой стали эмоции или аффективность – в той мере, в какой они важны для понимания этничности, однако в исследовательский фокус попадают реже, чем того заслуживают. Об этом пишет Д.В.Верховцев, обращаясь к Роджерсу Брубекеру и Энтони Смуту, об этом пишут и Е.М.Арутюнова и О.И.Вендина, отсылая к зарубежной социально-психологической литературе и российским рецепциям конструктивизма и, в частности, к работам Л.М.Дробижевой, сетовавшей на то, что наработки из этой литературы

российскими социологами почти не используется. Содержательно по этой теме я могу сказать не очень много. Скорее, с одной стороны, я сам убежден, что без инкорпорации эмоций в объяснение этничности удовлетворительного комплексного ее объяснения не получить, с другой, понимаю, что – в случае моей модели – такую работу только предстоит осуществить. Частично это связано с тем, что для социологии эмоции это периферийная тема, и социологи, в целом, не очень умеют с ней работать. Нужно отметить, однако, что не они одни. Когда-то я написал письмо классику социальной психологии, ученику Гордона Оллпорта и его наследнику в том, что касается теории контакта, Томасу Петтигрю и он – в ответ на мое пространное письмо – ответил лаконично, но определенно: «I am dissatisfied with most stereotype measures because they typically ignore emotion». Содержательно, однако, все сходится на том, что этничность – это «горячая» тема и без понимания того, почему она такая «горячая», почему именно «по этнической линии» люди нередко готовы убивать друг друга, при том, что другие социальные категории такие эмоции вызывают сильно реже, можно упустить в этом вопросе что-то важное, если не ключевое. Но что это? Я попробую сначала обозначить, как эмоции могут быть инкорпорированы в мою модель, затем – в совсем базовом и спекулятивном режиме – подумать, как может быть устроена связь между эмоциями и этничностью. В рамках моей модели эмоции оказываются атрибутами категорий, «закрепляются» за ними в качестве стандартной реакции на «этнический» (то есть распознаваемый как связанный с той или иной этнической категорией) стимул. Скажем, если в повседневности некоторый человек узнает в другом человеке чеченца, он «подключает» в такой ситуации не только то, что он знает про чеченцев, но и то, что он в связи с этой категорией чувствует – например страх или интерес. Насколько эти чувства/эмоции можно обобщить под общей категорией «представления» для того, чтобы эмоции были органично включены в схему – об этом нужно думать отдельно. Так же как отдельно нужно думать о том, действительно ли с этничностью плотнее всего связана эмоция именно страха, насколько эта связь не является малообоснованным стереотипом, распространенным в научных кругах, и, если нет, как эта связь устроена. И здесь важно избежать редукционистских объяснений, например, эволюционных, согласно которым «выжили и дали потомство те, кто боялся чужаков», создав, напротив, междисциплинарное объяснение, в которое были бы инкорпорированы и современные социологические подходы, в частности сетевой, согласно которому связей с представителями категорий идентификации у людей чаще всего больше, чем с представителями других категорий, что связано с более высокой координацией и предсказуемостью, и это, в свою очередь, снижает тревожность и ослабляет страх. Но это не более чем одна из многих идей на эту тему, которые нужно предварительно собрать, проанализировать на основании релевантных эмпирических исследований последнего времени, соединить между собой в непротиворечивое объяснение и инкорпорировать это объяснение в более широкие модели, например, в модель, приведенную в статье. Важно отметить, что – при том, что в психологии на эту тему, предположительно, сделано не мало, мы только в начале этого – интегративного – пути.

Пожалуй, на этих трех темах – простота/сложность (в части формулировки и применения) модели, сопряжение ее с количественными исследованиями и место в ней эмоций/аффектов (а равно как и их роль в воспроизводстве этничности) – общие темы в отзывах заканчивается и далее я бы хотел ответить на некоторые отдельные тезисы. В отзыве О.И.Вендиной я бы хотел прокомментировать тезис, где говорится, что я отказываюсь «от стигматизации каких бы то ни было иных взглядов на этничность как ошибочных, несовременных и пр., предпринимая попытку извлечь из них рациональное зерно,

сохраняющее свою ценность для решения исследовательских задач». Я бы не сказал, что это в полной мере так. С одной стороны, действительно, само развитие науки предполагает, что мы строим здание из имеющихся стройматериалов, существует и такое явление как научная мода. И то, что западные социальные науки говорят на конструктивистском языке, а российские – эссенциализируют этничность и «верят» в этносы – это не достижение каждого конкретного западного ученого, а своего рода условие на входе, которое создает из зарубежных аспирантов конструктивистов, а из российских – эссенциалистов. Более того, как я уже писал выше, и реифицирующие, группистские объяснения – тоже являются объяснениями. И они так или иначе «справляются» с интерпретацией всегда более сложной и разнообразной реальности. Но для большинства задач, которые сейчас решаются в исследованиях этничности, конструктивистские, когнитивизированные интерпретации этнической реальности действительно лучше подходят и не видеть это – это значит не пытаться понять природу изучаемых явлений, а в большей степени думать, например, о сохранении лица перед аспирантами и в принципе перед аудиторией, для которой много лет до того интерпретировал реальность эссенциалистски. И здесь – из любви к науке и истине – вряд ли стоит впадать в релятивизацию и относиться к эссенциализму как к «еще одной» наряду с конструктивизмом легитимной версией реальности. Нет, она хуже, примитивнее, недодуманнее, а если и есть задачи, которые она решает лучше (что тоже не факт) – это не задачи в рамках объяснения этничности. При этом эссенциалистские концепты и представления могут быть успешно «пересказаны» на конструктивистском языке. Скажем, один из важнейших эссенциалистских концептов – этногенез – может быть реинтерпретирован как возникновение соответствующего представления («существуют русские, русские живут в России, к русским относится некоторое множество людей, включая меня») и упрочение его в качестве важного оператора интерпретации реальности для некоторых людей на некоторой территории. Обратное же – пересказ того, что «видит» когнитивизированный конструктивизм, на эссенциалистских языках – крайне затруднено или невозможно. То же с примордиализмом – действительно, с одной стороны, это слово приобрело негативный оттенок и считается, что конструктивисты противостоят примордиалистам. Почему так получилось, это отдельный вопрос, но, если всерьез разобраться с исходными текстами Клиффорда Гирца, выяснится, что научный примордиализм – вполне возможен в конструктивистской парадигме, просто он не про извечность этносов, а про то, насколько этническая категоризация, используемая людьми, устойчива, насколько люди «верят» в эти категории, действуют исходя из них. И так далее.

В отзыве М.С.Каменских я бы хотел прокомментировать важный момент, который часто является «последним бастионом» эссенциализма в представлениях не чуждых конструктивизму исследователей этничности. Прочитую соответствующий фрагмент: «Этничность конструируется в сознании. Но как можно прокомментировать ситуации, когда культура существует объективно, не осознается индивидом, но фиксируется исследователем. Например, изучая диалекты и речевые особенности в определенной местности, мы не можем не признать, что у каждого человека есть собственные индивидуальные черты в говорении. Но рождение в определенной местности все равно накладывает на него и особенности диалекта, и ученые изучают уже особенности говорения на территории как некий феномен. Хотя эти речевые особенности не осознаются индивидом. То же можно сказать и о материальной культуре. Позволяет ли теоретический потенциал теории описывать неосознаваемые индивидуально особенности отдельных сообществ и групп?» Ответ на поставленный вопрос такой. Этничность и культура – это отдельные переменные, не

сводимые одна к другой. Да, культурные различия существуют более или менее объективно, но то, как, мы считаем, они организованы, кто и по каким критериям от кого отличается – это вопрос другой, к «объективным» различиям не сводимый. В конечном счете культура – это адаптация к реальности, и, хотя инструменты адаптации – социальные, их сочетание применительно к каждому человеку индивидуально, а значит каждый человек культурно отличается от другого. «Классическая» же антропология и этнография заставляют нас видеть культуру «этнической», то есть кластеризованной по «этническим группам». В некоторых случаях такое описание соответствует действительности, в некоторых – совершенно нет. Еще раз: культурные различия существуют, но то, как они де-факто кластеризуются и организуются – все это лишь косвенным образом связано с «объективными» культурными различиями. Несколько лет назад меня попросили выступить с докладом на любую тему на «московском армянском» мероприятии. Я вывел на экран «карту ценностей» Рональда Инглхарта, на которой ближайшим соседом Армении был Азербайджан, что значит, что общества этих стран – по тем культурным характеристикам, на основании которых эта карта была создана (традиционные/секулярно-рациональные ценности; ценности выживания/самовыражения) – крайне похожи. Дальше, разумеется, аудитория начала со мной спорить и объяснять, что армяне и азербайджанцы бесконечно различны, но – как минимум по Инглхарту – это не так. И примерно так и устроена динамика «объективной» культуры и конструируемых различий. Для конструирования используется «культурный аргумент», но соотношение между распределением культурных паттернов по людям и тем, какие этнические категории де-факто выделяются и институционализируются, является скорее произвольным. В общем, рекомендации в этой связи состоят в том, чтобы концептуально «отвязать» этничность и культуру друг от друга, в качестве объекта исследования брать не этнические группы, а локации, не создавать исследовательские подразделения на основании этнических категорий и проч. И так и можно победить институционализированный и за счет этого существенно влияющий на наше мировосприятие и на дизайн наших исследований эссенциализм.

В отзыве Д.В.Верховцева я бы хотел обратиться к его тезису про историчность модели, приведенной в статье. Он пишет: «... хотелось бы сказать о, как кажется, недостаточном внимании к различению внешних этнических категоризаций и самоидентификации человека с какой-либо этнической категорией. В «модели» акцент делается на внешние категоризации и «коллективные представления», которые интериоризируются и становятся «категорией идентификации». Однако, важным фактором этого процесса является его историзм, то есть наслаивание различных слоёв интериоризации внешних представлений у отдельных людей и сообществ, что может накапливать целый набор идентификаций, неактуальных для современного социального контекста, и даже вступающего с ним в конфликт.» Основная идея этого комментария, как я его понял, состоит в том, что фактически используемые этнические категории – это результат *interplay* категоризаций, которые осуществляются разными людьми применительно к разным людям, при том, что категоризации в предшествующей временной точке, влияют на категоризации в последующих временных точках. В моем пересказе нет «экзоэтнонимов» и «эндоэтнонимов» -- терминов, действительно сильно примитивизирующих и эссенциализирующих вопрос, но в целом все именно так, как пишет Верховцев. Действительно, этнические категории не появляются из пустоты, и каждая из них имеет свою историю, то есть историю употребления в разных контекстах и применительно к разным множествам людей. Однажды – в качестве реакции на появление статьи «русские» в Большой российской энциклопедии за авторством В.А.Тишкова – я, вместе со студентами,

которым тогда преподавал, задумался, какой может быть конструктивистская энциклопедическая статья про русских, и мы поняли, что эта статья должна быть прежде всего про этническую категорию – историю ее появления, динамику применения в отношении по-разному очерчиваемых множеств людей, дискуссии, имевшие место в этом отношении и проч. Но здесь – вновь – важно то, что категория не является принадлежностью группы (за отсутствием таковых), а является частью актуального описания окружающей действительности людьми – как теми, которые идентифицируют себя с соответствующей категорией, так и остальными. И категория «русские» должна изучаться на предмет того, как ее использовали и используют в России и за рубежом, люди, идентифицирующие себя как русские и нет. И именно такой ракурс и даст ответ на вопрос о социальном смысле категории «русские». И другой важный комментарий, который следует дать в связи с приведенной цитатой, состоит в том, что, с точки зрения современного социологического конструктивизма, то, что какие-то категории не используются сейчас в, скажем, администрировании или вернакулярном категоризировании, не значит, что они принадлежат только лишь прошлому. В конечном счете, согласно конструктивизму, представления прошлого детерминируют и представления настоящего, и само настоящее, а значит «накопленный» набор идентификаций, которые, тем более, как следует из комментария, вступают с «актуальными» идентификациями в конфликт – это элемент реальности настоящего времени. Действительно, на этот вопрос по-разному может смотреть историк, для которого экскаваций категорий и их применений может быть самоценной, и социолог, для которого – в «базовой настройке» – прошлого нет, но, я полагаю, что хорошая наука об этничности происходит на стыке, и в конечном счете, история складывания текущей категориальной сетки – это элемент ее социологического объяснения. И моя схема и может быть применена и к прошлому, что значит, что относительно различных временных точек исследователь может попытаться восстановить категории, атрибуты и общие представления, а, кроме того, может (и должна) использовать прошлое как элемент описания настоящего – в той мере, в какой есть гипотеза, что это прошлое настоящее в той или иной степени определяет.

Подходя к концу своего ответа дискусснтам и проглядывая написанное перед отправкой, я вынужден констатировать, что многие темы из тех, которые также хотелось бы обсудить, за ограниченностью объема и «вместимости» внимания читателя, основного адресата дискуссии, в мой ответ не вошли. Некоторые вопросы перед тем, как я закончу, все же хотелось бы затронуть. В частности, я подозреваю, что дискусснты не до конца поняли, что я имею в виду под когнитивизацией конструктивистских исследований. Например, О.И.Вендина пишет о персональных схемах как о пространстве рефлексии, однако, с точки зрения используемого подхода, индивидуальное или когнитивное не равно рефлексивное и – в той мере, в какой человек интерпретирует мир на основании индивидуализированных схем – эта интерпретация может иметь спонтанный, не-рефлексивный характер. Более того, скорее преимущественно такой характер она и имеет. А Д.В.Верховцев пишет, что «... категоризация, отнесения себя и других к какой-либо категории, это лишь наиболее слабое проявление этничности по своим последствиям, тогда как максимальное внимание этнический вопрос приковывает прежде всего благодаря своим более эффективным проявлением, таким как этническая солидарность, этническая мобилизация и этнические конфликты». И здесь я вряд ли могу согласиться – ведь и согласно Брубекеру, и согласно модели, представленной в статье, этничность – это базово когнитивное явление, «овеществленное» восприятие, которое, именно в таком качестве и начинает затем «управлять» социальными отношениями, генерируя солидарности и конфликты. Иными

словами, в основании социального лежит когнитивное, и сравнивать их по степени воздействия – бессмысленно. Это, впрочем, значит прежде всего то, что я не был достаточно понятен в описании того, что представляют собой когнитивизированные конструктивистские исследования этничности, а это значит, работа по созданию таких – более прозрачных – описаний должна быть продолжена. Равно как и дискуссии на эту тему, которые – в данном случае – как будто бы действительно приближают нас к пониманию того, какими должны быть современные исследования этничности. А значит – и пониманию этничности как явления. И еще раз спасибо дискуссантам за их отзывы!